

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВАЯ ЛОГИКА СТАРОГО МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА?

Характер и перспективы общественного развития любого современного общества, его векторы и динамика, определяются не только политическим режимом или уровнем экономического развития, но и характером общественного участия населения и его институциональной адекватностью современным социальным реалиям и процессам, через согласованность между собой трех его составляющих: готовности, способности и возможности участия как на макро, так и на микроуровнях.

Но насколько эта адекватность есть результирующая спонтанных процессов или направленной деятельности его субъектов, позволяющей говорить о социальном управлении?

Значительный вклад в поиск ответов на данный вопрос был сделан в сфере институциональной и эволюционной экономики. Однако, для анализа процессов участия, перспективным представляется и проектный подход, преимущества которого видятся в возможности анализа процесса участия как множественных, но сменяемых общественных проектов реализуемых на макро, так и на мезо, микроуровнях.

Что же собой представляет проект? Оттолкнувшись от его понимания Ж.П. Сартром¹, Ю. Хабермасом², З. Бауманом³ и П. Штомпкой⁴, его можно определить как совокупность факторов, направленно влияющих на объект и проецирующих его в будущее, а также как пространство, в котором конструируется и осуществляется то или иное явление или процесс.

---

¹ Сартр, Ж.-П. Проблемы метода / Ж.-П. Сартр. – Москва : Прогресс, 1993. – 236 с.

² Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.

³ Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

⁴ Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 704 с.

Важно учитывать, что общественное участие вариативно и проявляет себя в многообразии сфер и практик социального, гражданского и политического, включая электоральное, участия. Важную роль в этом играет само содержание категории «участие». Будучи наделенной свойствами действия и принадлежности, участие бинарно по своей природе. Оно может проявляться в множественных и многообразных формах и практиках в диапазоне: от действия без принадлежности (ситуативная спонтанная активность) до принадлежности без действия (причастность к группе). Однако приобретая общественный характер, участие может сохранять свои сущностные свойства только в случае осознанности и добровольности действий участвующих, в противном случае речь идет о квазиучастии.

Значимыми компонентами проекта являются: *программа*, проявляющая себя через реализованные или нереализованные концепции и интенции (Ю. Хабермас); *субъекты*, с их ресурсами и способностью к координации деятельности и мобилизации (Ю. Хабермас, З. Бауман, Ж.-П. Сартр); социальное, культурное, структурное и физическое *пространство*, в котором разворачивается проект (З. Бауман); *дискурсы* – фоновое основание легитимации практик общественного участия, вбирающие в себя смыслы, связанные с проектом (З.Бауман); *социальные практики* участия, корреспондируемые с программой и дискурсами проекта (Ю. Хабермас, З. Бауман, П. Штомпка, Ж.П. Сартр).

Качественное разнообразие компонентов и среды их формирования позволяет говорить о *множественности проектов* (З. Бауман) реализуемых на всех уровнях общественных отношений под влиянием доминирующей макропрограммы проекта-традиции (проекта общественного развития) или периферийных программ (Ю. Хабермас). Как и все проекты, проекты общественного участия конечны и завершаются кризисами, и перспективой построения новых программ участия, в том числе через модификацию старых.

Проекты одного временного периода влияют друг на друга через практики общественного участия, которые как структуры и социальные технологии инкорпорируются и в иные социокультурные пространства.

Историко-социологический и сравнительно-социологический анализы практик общественного участия показали, что устойчивость они приобрели только в эпоху модерна, а проектность – свойство развитого индустриального общества, эпохи названной З. Бауманом реалистическим модерном.

К крупнейшим из них можно отнести «советский» проект (1920-е–1980-е гг.) и проект участия США эпохи «всеобщего благоденствия» (конец 1940-х – начало 1970-х гг.), а также западный наднациональный проект (начало 1970-х – 1990-е гг.). Всем им свойственны признаки проекта, который З. Бауман назвал «простым»: формализация структур, мобилизационный характер, высокая включенность государства в модификацию общественного участия через прямое или опосредованное управление, определяемое не только политической доктриной, но и задачами социального и экономического реформирования.

Первый национальный проект участия в США стал реакцией государства на рост послевоенной социальной апатии населения, которая рассматривалась как угроза демократии. Государство стало субъектом ограниченного управления участием на ряду с местными сообществами и ассоциациями. Практиковалось вовлечение акторов в федеральные проекты и программы борьбы с бедностью через мобилизацию внутриобщинного потенциала. Кризис проекта проявился в кризисе программы «максимально возможного участия» середины 1960-х – начала 1970-х гг., когда существенные финансовые вливания в развитие бедных сообществ не привели к росту активности жителей, но стимулировали конфликтность и появление феномена «золотых гетто».

Второй проект сформировался на национальных и наднациональном уровнях в развитых западных странах. В основании его программы лежала концепция общественного участия как инструмента социального управления.

Субъектами проекта наряду с государством выступили структуры с высоким уровнем влияния и контроля: международные, национальные общественные объединения различного типа и общественные движения, международные финансовые институты. Превалировали дискурс социального развития, демократический, гражданский, секторальный дискурсы. Проекту свойственна технологизация практик участия и их тиражирование в развивающиеся и посткоммунистические страны.

Проект показал, что нарастающие изменения общественной структуры способствуют нелинейному расширению территориального и социального пространства общественного участия, но ослабляют возможности государства к его прямому управлению, влиянию и контролю, появлению новых общественных движений и сетевых моделей массовых протестов.

Советский проект принял характер государственно-мобилизационного, где позицию субъекта сохранило и усилило государство выступая заказчиком, инициатором и организатором общественного участия. Программа, построенная на идеологическом обосновании социалистического метапроекта, проявлялась в дискурсах классовой борьбы и противостояния систем. Сращивание государственного, коллективного и частного обусловило структурную специфику пространств, в которых осуществлялась унификация и централизация практик общественного участия. Это привело к кризису проекта – к потере способности к самокоррекции, рутинизации и бюрократизации структурного пространства, отделению участия от членства, ослаблению неформальных правил социального участия.

Важной особенностью советской и российской традиции, проявившей себя и сегодня: избирательность конструируемых сфер и каналов общественного участия, что обеспечивается тремя пересекающимися государственными стратегиями его конституирования:

1. Участие поощряется в нормативно регламентированных общественных инициативах в «выделенном» государством пространстве, преимущественно в сфере социальной помощи и сервисной поддержки.

2. «Приглашение» или «принуждение» к участию в проектах, инициируемых или активно поддерживаемых государственными структурами.

3. Делегитимизация практик, не одобряемых государственными структурами в сферах политического и гражданского участия.

Кризис проектов выразился в сокращении активности в устойчивых общественных структурах, росте неформализованных и даже нелегитимных практик гражданского и политического участия, «выпадении из смысла» – реинтерпретации практик. Это стало следствием общих для всех проектов тенденций: универсализации структур участия, технократизации его механизмов, ритуализации процедур общественного участия, усиления критики проектов относительно распределения власти и контроля.

Под влиянием совокупности факторов (среди них – глобализация, системные политические, социально-экономические, технико-технологические изменения) управляемое пространство общественного участия нелинейно сокращается, замещаясь преимущественно непрямым управлением, однако государство продолжает сохранять субъектные позиции в проекте, а также функции влияния и контроля. Изменение границ проекта и появление на его периферии новых общественных программ ведет к появлению новых акторов общественного участия, дифференциации программ и практик, в том числе и радикалистского толка. Это множественность делает проект сложным.

Его признаки: параллельное существование новых и традиционных структур общественного участия; появление качественно новых, в том числе маргинализированных акторов; диффузия дискурсов, размывание границ между видами общественного участия, приводящее к смешению их пространств; переход от коллективных и отложенных к индивидуальным и прямым формам гражданского и политического участия; усиление горизонтальных связей при сокращении анонимности участия.

Усиливается эрозия и ослабевают мобилизационные возможности государств «с инженерными претензиями», формируется понимание действительности как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов, делающих совместное общественное участие непродолжительным, неустойчивым. Оно проявляется скорее в коротких проектах солидарных действий, способствующих как разъединению, так и кооперации, в частности за счет открытия новых комьюнитиобразующих ресурсов слабых и неустойчивых сетей.

Сложность проекта усиливает противоречивость практик участия. Процессы общественного участия, могут приобретать дисфункциональный характер, стимулируя пассивное участие населения (сообщество «зрителей») или эксклюзивность отдельных социальных групп, закрытость или усиление конфликтности отдельных сообществ, их оборонительных функций, в условиях защиты своих интересов от навязанных инвестиционных или социальных проектов.

Непринятие со стороны государственных структур сложности как естественного свойства новой социальной реальности, наличия в пространствах общественного участия разных конкурирующих программ, параллельного существования структур и культур модерна и постмодерна, сохранение в массовом общественном сознании «старых», модернистских ценностей, отражает противоречивость, «межпроектность» современного российского общественного участия. Длительное время сохраняется и популяризируется альтернатива строительству нового сложного постмодернистского проекта через возвращение к модифицированной версии простого модернистского проекта, со свойственным ему стратегиями мобилизации.

Воспроизводимая в новых условиях логика старых модернистских проектов, ориентируемых на формализованные механизмы участия, закрепляет избирательность их пространств. Признаками возврата к простому проекту служат и актуализация форм квазиучастия, к примеру,

«церемониального участия», возврат к традиции неучастия как формы общественного участия и т.д.

Однако существующая специфика современного информационного, коммуникативного и деятельностного пространства ограничивает тотальное влияние государства на акторов общественного участия, сохраняя пространства, где формируются иные, качественно отличные культуры участия, к примеру, новые городские движения. В попытке перехватить управление и контроль за общественным участием государство встает перед выбором: «упростить проект», вернувшись к тотальному контролю за общественными процессами, тем самым «упрощая» и их восприятие, и характер протекания за счет универсализации, ограничения множественности и гомогенизации во всех компонентах проекта, либо конструировать новый, что требует новых идей и программ.